



*История одной из самых популярных фронтовых песен.*

***Бьётся в тесной печурке огонь,***

***На поленьях смола, как слеза,***

***И поёт мне в землянке гармонь***

***Про улыбку твою и глаза.***

Эта песня сразу же, безоговорочно была принята – и сердцем солдат, и сердцами тех, кто ждал его дома. А стихотворение, из которого она родилась, появилось, в общем-то, случайно. Поэт Алексей Сурков написал жене с фронта 16 домашних строк. Написал в **1941-м**, в конце ноября, под Истрой, после очень трудного дня, когда пришлось пробиваться из окружения со штабом одного из гвардейских полков.

Вот его воспоминания:

«...27 ноября мы, корреспонденты газеты Западного фронта "Красноармейская правда", и группа работников Политуправления Западного фронта прибыли в 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию, чтобы поздравить ее бойцов и командиров с только что присвоенным им гвардейским званием, написать о боевых делах героев. Это было как раз в тот момент, когда немецкие танки, пройдя ложиной у деревни Дарны, отрезали командный пункт полка от батальонов.

Быстро темнело. Два наших танка, взметнув снежную пыль, ушли в сторону леса. Оставшиеся в деревне бойцы и командиры сбились в небольшом блиндаже, оборудованном где-то на задворках КП у командира полка подполковника М.А. Суханова. Мне с фотокорреспондентом и еще кому-то из приехавших места в блиндаже не осталось, и мы решили укрыться от минометного и автоматного огня на ступеньках, ведущих в

блиндаж. Немцы были уже в деревне. Засев в двух-трех уцелевших домах, они стреляли по нас непрерывно.

- Ну а мы что, так и будем сидеть в блиндаже? - сказал начальник штаба полка капитан И.К. Величкин. Переговорив о чем-то с командиром полка, он обратился ко всем, кто был в блиндаже: - А ну-ка, у кого есть "карманная артиллерия", давай!

Собрав десятка полтора ручных гранат, в том числе отобрав и у меня две мои заветные "лимонки", которые я берег на всякий случай, капитан, затянув потуже ремень на своей телогрейке, вышел из блиндажа.

- Прикрывайте! - коротко бросил он.

Мы тотчас же открыли огонь по гитлеровцам. Величкин пополз. Гранаты. Взрыв, еще взрыв, и в доме стало тихо. Тогда отважный капитан пополз к другому дому, затем - к третьему. Все повторилось, как по заранее составленному сценарию. Вражеский огонь поредел, но немцы не унимались. Когда Величкин вернулся к блиндажу, почти смеркалось. Когда вошли в новое селение, кажется Ульяново, остановились. Самое страшное обнаружилось здесь. Начальник инженерной службы вдруг говорит Суханову: - Товарищ подполковник, а мы же с вами по нашему минному полю прошли!

И тут я увидел, что Суханов - человек, обычно не терявший присутствия духа ни на секунду, - побледнел как снег. Он знал: если бы кто-нибудь наступил на усик мины во время этого отхода, ни один из нас не уцелел бы.

Под впечатлением пережитого за этот день под Истрой я написал письмо жене, которая жила тогда на Каме. В нем было шестнадцать "домашних" стихотворных строк, которые я не собирался публиковать, а тем более передавать кому-либо для написания музыки...

Стихи мои "Бьется в тесной печурке огонь" так бы и остались частью письма, если бы в феврале 1942 года не приехал в Москву из эвакуации, не пришел в нашу фронтową редакцию композитор Константин Листов и не стал просить "что-нибудь, на что можно написать песню". И тут я, на счастье, вспомнил о стихах, написанных домой, разыскал их в блокноте и, переписав начисто, отдал Листову. Через неделю композитор вновь появился у нас в редакции, попросил у фоторепортера Михаила Савина гитару и спел свою новую песню, назвав ее "В землянке".

Песня действительно "пошла". По всем фронтам - от Севастополя до Ленинграда и Полярного. Некоторым блюстителям фронтовой нравственности показалось, что строки: "...до тебя мне дойти нелегко, а до смерти - четыре шага - упадочнические, разоружающие. Просили и даже требовали, чтобы про смерть вычеркнуть или отодвинуть ее дальше от окопа. Но мне жаль было менять слова - они очень точно передавали то, что было пережито, перечувствовано там, в бою, да и портить песню было уже поздно, она "пошла". А, как известно, "из песни слова не выкинешь".

Ольга Бергольц ещё в годы войны рассказывала историю, свидетелем которой она оказалась на крейсере «Киров». Офицеры, услышав песню с «улучшенным» текстом по репродуктору, демонстративно выключили его, и трижды спели сами с подлинным текстом.

Всегда исполняли «Землянку» на своих фронтовых концертах, несмотря на негласный запрет, Леонид Утесов и Лидия Русланова.

Уже с первых дней Великой Отечественной поэт почувствовал: солдатское сердце ищет не только лозунга и призыва, но и ласкового, тихого слова, чтобы разрядиться от перегрузки всем тем страшным, что обрушила на него жестокая действительность. Люди воспринимали не только смысл стихотворения, но и весь вложенный в него жар сердца, волнение, надежду, любовь....

Бьётся в тесной печурке огонь,  
На поленьях смола, как слеза.  
И поёт мне в землянке гармонь  
Про улыбку твою и глаза.  
Про тебя мне шептали кусты  
В белоснежных полях под Москвой,  
Я хочу, чтоб услышала ты,  
Как тоскует мой голос живой.  
Я хочу, чтоб услышала ты,  
Как тоскует мой голос живой.

[https://vk.com/video25487256\\_456239042](https://vk.com/video25487256_456239042)